

Артем Тихомиров

Женщина в тени

Арте́м Тихоми́ров

Женщина в тени

«Автор»

2006

Тихомиров А.

Женщина в тени / А. Тихомиров — «Автор», 2006

ISBN 978-5-457-21559-7

Инга попадает в тяжелую ситуацию. Ей нужно вернуть бывшему ухажеру крупную сумму денег, но возможности отыскать их у нее нет. Страх нарастает, и ситуация становится все более безвыходной. Встреча с одинокой бездомной женщиной вдруг меняет все. Кто она? Куда исчезла, и в чем будет состоять ее помощь Инге?

ISBN 978-5-457-21559-7

© Тихомиров А., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Артем Тихомиров	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Артем Тихомиров

Женщина в тени

Инга смотрела на снежинки, падающие в зазоре между домами. Снег покрыл голые деревья, автостоянку, тротуары. Инга подумала, что это похоже на сахарную вату. Детское ощущение захватило ее на миг, но потом пришел холод.

– Эй, уснула, что ли? – спросил Соколов.

Инга отвернулась от окна и поглядела на него. В салоне «бумера», воняющем натуральной кожей, было темно. Свет уличного фонаря высвечивал половину лица мужчины за рулем. Это лицо пугало. Инга поняла, что в животе у нее зарождается взрыв.

– Я не уснула, – сказала она.

Стать как можно меньше. Втянуть голову в меховой воротник куртки. Сцепить руки на жестко сведенных коленях.

Может быть, все обойдется.

– Все, что я на тебя потратил, надо вернуть, – сказал Соколов, – но ты же оборвыш, что у тебя есть? На что ты спустила мои деньги?

Все идет по второму или третьему кругу. Разговор не прекращается уже полчаса. Соколов нудно и тяжело объясняет ей, что между ними все кончено. Будто и так неясно.

Однако новость о каком-то долге оказалась громом среди ясного неба. Инга еще не полностью осознала эту мысль.

– Ты как все остальные, прожженная малолетка. Девятнадцать тебе?

Инга кивнула. Она мечтала только о том, чтобы больше он к ней не прикасался.

– И с какого времени ты этим занимаешься?.. – Соколов выругался, адресовав ей несколько уничтожающих эпитетов. – Как меня угораздило с тобой связаться, ведь на тебе пробы негде ставить! Четыре месяца! На что ты тратила мои бабки? Косметика, белье, шмотки поганые. Я подсчитал. Ты мне должна тридцать тысяч баксов. – Соколов закурил одну из своих мерзких сигарет. – Но сделаю тебе скидку, новогоднюю... Половину. Так что с тебя пятнадцать штук. Поняла?

Инга смотрела перед собой, на пятно света от уличного фонаря.

– Да. А ты всем так говоришь? Каждой? – спросила она.

– Смотря кому.

– Ну и кому еще говорил? – У Инги перехватило дыхание от страха.

– Это не твое дело.

Инга не могла взять в толк, как раньше занималась сексом с этим монстром, как ввязывалась в пьяные оргии, прикасаться к его телу...

Полчаса назад все поменялось. Звонок на мобильник. Приказ придти туда-то и туда-то. Приказ.

Теперь еще этот кошмар.

– Я не собираюсь ради какой-то лохомотки бабками раскидываться. Раз ты не оправдала моих ожиданий, то плати. И вообще – тебе я сделал большое исключение. Другие платят по девятистам процентов. А тебе только пятьдесят, – сказал Соколов. – Подумайте еще! – Он покривил губы, разглядывая ее фигуру. – Шлюшка из стриптиза, из грязного клубишки, еще будет мне сказки рассказывать о своей верности! Да не знаю я, что ли, как ты живешь? Не знаю, думаешь, чем ты без меня занималась?

Он выбросил сигарету в окно.

– Есть и получше. Те, у кого все на месте.

У Инги задергалась щека, она поднесла к ней руку в перчатке, потерла.

– Есть и получше, – произнесла Инга, вспоминая его уверения в вечной преданности. Обычный пьяный бред. Изменяла она ему? Да, ничего не поделаешь. Деньги нужны были раньше, деньги нужны и сейчас.

Может, она и шлюха. И даже, скорее всего, шлюха. Стриптизерши якобы не занимаются собственной продажей, но ведь это не аксиома. Кто-то занимается, если видит толстую пачку денег. У каждой из них свои проблемы, а многие проблемы решаются монетой, разве нет? Некоторые подружки Инги продают себя лишь с целью вырваться из этого дерьма.

Но на ее памяти ни одна еще не вырвалась.

Инга подумала о своих накоплениях.

Пятнадцать тысяч долга этому подонку.

Ее денег не хватит. Даже если она займет, если влезет в долги до конца жизни.

Инга потеряла щеку, сидя в тупом оцепенении.

Это больше откупных сутенеру.

– Пятнадцать штук – и ты свободна как ветер, – сказал Соколов. Он вытащил мобильник-«раскладушку», чтобы ответить на звонок. – Выматывайся, сука. Три недели срок. Найди, укради, роди. Три недели.

Инга открыла дверцу «бумера», поставила ногу в сапоге с высоким каблуком на снег. Пушистая снежинка приземлилась ей на скулу. Девушка сощурилась правым глазом. На улице всего минус один градус, но ее пробрало до костей. Сжимая сумочку, Инга захлопнула дверцу. Соколов говорил с кем-то по телефону. Она перестала для него существовать.

Не мешкая, Инга отправилась прочь, ступая по опасной наледи, что пряталась под свежим, еще не утрамбованным снежным покровом.

Домой идти два квартала. Инга переставляет одеревеневшими ногами.

Мимо машин, вдоль ограды, за которой с трудом просматривается двор. Высокие старые дома возвышаются с двух сторон. Кажется, их крыши вот-вот сростутся намертво краями.

Соколов убьет ее, если «долг» не будет уплачен. Никаких переносных смыслов, все предельно ясно.

Она встречалась с этим человеком, была его содержанкой, и ее не интересовало, чем он занимается по-настоящему. Теперь самое время подумать о своих перспективах.

Дважды Инга видела его громил. Комичных до ужаса парней квадратных очертаний. Они держались позади него, словно привидения, и с ними Соколов чувствовал себя неуязвимым. С другой стороны, он сам мог отправить на тот свет кого угодно. С его-то руками, пальцами, способными, наверное, сгибать арматуру!

Вспоминая это чудовище, Инга приходила в ужас.

Единственное, что она может сделать, чтобы спастись, это бежать – быстро и далеко. И лучше всего взять старт прямо сейчас, пока решимость не пропала. А есть ли она, эта решимость? Больше всего в этот момент Инге хотелось сесть на снег и просто дожидаться своей судьбы. Зачем бороться? Какой смысл? Соколов сильнее. Если даже отдать этому ублюдку долг, он найдет, к чему прицепиться еще.

Инга почувствовала, что у нее подгибаются ноги. Поискала глазами поблизости скамейку и ничего не нашла. Вообще, все, на что она смотрела в эти мгновенья, казалось каким-то смазанным, расплывчатым. Возникли проблемы с дыханием. Горло обхватила невидимая удавка. В конце концов, Инга поняла, что плачет. По щекам текли самые настоящие ручейки слез.

Пятнадцать тысяч долларов. Откуда ей знать, что именно столько она ему должна после деления всей суммы пополам? Соколов забирал чеки. Значит, этот выродец вел бухгалтерию...

Инга не припоминала, какие именно покупки делала в течение этих четырех месяцев. Воспоминания проносились в ее памяти со скоростью экспресса, ни одно она не могла ухватить и рассмотреть поближе.

На нее косились прохожие, а их она видела точно сквозь запотевшее стекло.

Неподалеку от дома и автобусной остановки располагался небольшой скверик, в котором росли большие раскидистые деревья. Ноги как-то сами собой принесли Ингу в это место.

Она остановилась под фонарным столбом, в круге яркого света, дающего четкие тени, и огляделась. Две скамейки, одна напротив другой, обе покрыты уже приличным слоем снега. Снежинки кружатся, садясь Инге на голову. Она провела рукой по шапочке, стряхнула часть их.

Новая волна слез рвалась наружу. Инга смахнула снег со скамейки – резким ядовитым движением – и села. Наплевать на то, что джинсы промокнут. Хотелось завопить в голос, но она молчала. «Только молчи. Иначе будет еще хуже!»

Инга посидела, потом вытащила из сумочки носовой платок. Сумочка упала в снег. Инга подняла ее. Приложила сложенный платок ко рту. Хотя какая разница, если кто-то увидит или услышит ее плач? Кому интересно?

Несмотря на все старания, слезы не прекращались. Время шло. Инга не могла остановиться. Она умудрилась прикусить себе большой палец на правой руке. Только эта боль напомнила ей, что она сидит в сквере на скамейке и плачет. Что она совсем одна.

Рука нырнула в сумочку, вытащила сотовый. Долго Инга перебирала номера подружек, но позвонить ни одной из них так и не решилась. Вздохнув, не в силах сразу успокоить дергающееся дыхание, она бросила трубку обратно.

Не с кем поговорить. Некуда пойти, кроме съемной квартирки с двумя узкими тесными комнатками. С чего началось, к тому и вернулось.

Некоторое время, всхлипывая, Инга просто наблюдала за падающими снежинками. Полет лохматых сгустков замерзшей воды, всего-навсего, успокаивал.

Потом на несколько мгновений ее будто выключили, а когда включили снова, Инга увидела, что на скамейке напротив сидит бедно одетая женщина. Склонившись вперед, она кашляла. Кашель переходил в плач. И опять по кругу.

Инга почувствовала, что ей неприятно, и отвернулась. Между скамейками прошли пять или шесть человек. Парень с девушкой несли в руках по бутылке пива. Они не обратили внимания ни на женщину, ни на Ингу.

Прошло несколько минут. Инга стала замерзать. Домой идти по-прежнему не хотелось. Страх остался при ней, ее лучшее приобретение за последнее время; всепоглощающий страх. Зимний воздух был прозрачным, но горло перехватывало от удущья.

Инга посмотрела на плачущую женщину. Их взгляды встретились. Женщина выглядела ужасно. Исхудавшая, бледная, руки трясутся, пальцы, сжимающие платок, похожи на червей. Суставы раздулись от артрита. Инга не могла понять, сколько ей лет. Могло быть и сорок, и семьдесят, странно.

Инга спрятала свой собственный платок в сумочку, закрыла ее. Неприятно видеть человека, у которого дела обстоят еще хуже. Что-то больно царапало изнутри. Инга встала, отряхнулась, стараясь напустить на себя независимый гордый вид, но ничего путного не вышло. Через пару шагов плечи ее опустились. Голову прострелила боль.

Углубляясь в сквер, сотканный из света и тени, Инга слышала затухающий вдалеке плач женщины.

* * *

Вернувшись в свое казенное жилище с паутиной в углах и убогой чужой мебелью, Инга забралась в холодильник. Еды почти не было. Нашлась ополовиненная бутылка коньяка, дешевого и резкого. Инга подумала, что все равно. Ей надо выпить, иначе она сойдет с ума. Лицо Соколова, почти звериное, маячило перед глазами. Оно чудилось Инге повсюду, в каждом углу, в каждой щели, на дне раковины, ванны, в шкафу. Одна в пустой квартире, проводившей лекарствами – от хозяйки-старухи – Инга чувствовала себя заживо похороненной.

Почти два года здесь – ее островок в большом городе. Учеба сначала на дневном, потом на заочном отделении, клуб. Пойти туда работать пришлось, чтобы избежать угрозы голодной смерти. Могли отчислить из института – Инга сражалась изо всех сил... Ее победа оказалась Пирровой. Ей предложили перевестись на заочное отделение и учиться платно. Инга пошла на это – ее пугала до смерти мысль о позорном возвращении домой, в далекий неустроенный городок.

Теперь это не казалось самым худшим вариантом. Если она уедет домой в глухомань, Соколов ее там не найдет. Инга ничего не рассказывала ему о месте, где родилась и выросла. Кажется, не рассказывала...

Если ничего не получится с деньгами, этот вариант останется на крайний случай. Ее нынешних накоплений там хватит надолго.

Или в каком-нибудь другом месте, где ее никто не знает. Но что Инга будет делать? Учеба пропадает, работы не будет. В каком-то смысле ей нравится жить так. Говорят, что втягиваешься. Инга не стала бы утверждать, но, с другой стороны, тут есть свои преимущества – она не на улице. Иногда ей улыбается удача. В клубе у нее друзья, знакомые. Они выручат и защитят, если что. По крайней мере, Инге хотелось так думать. Перебиться до конца учебы, заплатить за последний семестр – и свободна!

Но до этого еще далеко. Три курса. Сессии, курсовые. От всего этого волосы поднимаются дыбом, а от отчаяния хочется выть. Однокурсники просто куча балбесов, успешных, великовозрастных, с космическими запросами, – с ними Инга не общается. Ее мирок ограничивается компанией девиц такого же подозрительного, с точки зрения обывателя, образа жизни, танцовщиц на шесте, барменов, охранников. Инга не в восторге от них, но разве сама она выше того общества, в котором поневоле вращается? В эти минуты Инга испытывала ко всем этим пластмассовым людям, пропахшим выпивкой и парфюмерией, почти теплые чувства. Они казались ей спасательным кругом.

Маленький телевизор показывал плохо. Инге лень было возиться с антенной. Она сбросила одежду, оставшись в трусиках и футболке, легла на продавленный диван, задрала ноги. Коньяк стала пить прямо из бутылки. Несколько глотков – и самочувствие стало приходить в норму, с постепенным перетеканием в расслабленное состояние. Напряжение почти пропало. Инга переключала каналы, стараясь не думать о том, что ей предстоит через три недели. А что предстоит? Ее убьют. И тогда все это дерьмо закончится. Инга закурила. Ей не хватало сигареты. Смерть – вот в чем суть проблемы. Перед этим, учитывая, кто будет этим заниматься, ее изнасилуют и изуродуют. Она ответит за каждый потраченный соколовский цент. Инга сжала бутылку, испытывая невероятное желание разбить ее о кривую усмешечку своего бывшего господина. Острыми краями стекла располосовать щеки, скулы, нос.

Инга представила его мертвым – и почувствовала облегчение. В мечтах она может делать с этим ублюдком все, что ей взбредет в голову.

Потом она вообразила себя. Голое истерзанное тело на грязном снегу, горло перерезано, глаза выколоты. На животе огромный красно-черный-желтый ожог от утюга, почти

провалившегося в кишки. Вывернутая наружу плоть. Руки и ноги скручены телефонным кабелем.

Инга поднесла руку ко рту, нажала, зажмурилась. Коньяк попросился наружу. «Нет, только не блевать, я не хочу!»

Отогнать мрачные фантазии оказалось нелегким делом. Слезы вернулись. На этот раз не просто плач, а пьяная истерика.

На мгновение вспомнилась та странная женщина в сквер. Судя по всему, дела у нее были швах. Может быть, положение ее хуже, чем у Инги, в сто раз...

«Почему я должна думать о ком-то другом? Я что, благотворительная организация? Что я могу сделать? Мне-то кто поможет?» Инга утерла слезы, пригубила еще коньяка и лежала с закрытыми глазами. Сердце билось. Взгляд странной женщины не отпускал ее долго.

Потом Инга, покачиваясь, отправилась принять душ. Ей казалось, что она мертва. Душа отлетела, а тело осталось и двигается по заданной программе.

«Пропади все пропадом!» Идея вернуться домой, попросить прощения у родителей, становилась все более привлекательной. В этом городе нет ничего по-настоящему ей дорогого. Из всех любовников самым худшим оказался Соколов, но и другие не блистали достоинствами. Инга притягивала к себе разное отребье. Эти ублюдки с грязными руками платили – и она отработывала. Простая логика. Когда-нибудь, Инга понимала, ей придется держать ответ перед своим телом и своим здоровьем за все, но какая есть альтернатива? Инга не видела перед собой ни единой открытой двери, все были наглухо заколочены.

Включив воду, Инга забралась под нее прямо в одежде. Вспомнила об этом только через несколько минут. Сняла футболку и трусики и швырнула их в стену. Ей показалось, что кто-то лает, подражая собаке. Оказалось, это ее смех.

«Что скажет папа, когда я вернусь?» Лицо отца потеряло со времени последней встречи всякие индивидуальные черты. Оно было никаким. Слишком простым, слишком невзрачным. Инга не могла вспомнить, какой он на самом деле. А мать? Здесь ее тоже ждало разочарование. Ничего. Инга не видела даже ее глаз, больших, серых, всегда обвиняющих. Инга так и не решилась задать ей мучавшего ее долгие годы вопроса: почему мама так смотрит?

Инга привалилась к стене. Все-таки ее вырвало. Коньяк выплеснулся под ноги. Она прополоскала рот.

Мысли о самоубийстве, посетившие ее вскоре, были яркими и разнообразными.

Инга окунулась в размышления с фатальной готовностью подошедшего к последней черте человека.

Она посмотрела на свои руки. Подушечки пальцев сморщились от горячей воды. Кисти у нее были красивыми, тело тоже, параметры модельные, ей было что показать – иначе бы не получить ей такую работу. Инга сжала кулаки. Красота не дает силы, а сильной быть хочется. Слабый не способен защитить себя.

Можно было бы проглотить пузырек но-шпы, но этот способ ненадежный. Могут откачать. Перерезать вены? Нет, она не сумеет. Смелости не хватит. От одной мысли о боли и рассеченной плоти, откуда вылезают пузырьки жира, протестует желудок.

Инга без сил опустилась на дно ванны, под струи горячей воды. Там она и заснула с полной уверенностью, что для нее все кончено.

* * *

– Дин, дай что-нибудь набросить! Где мой халат?

За кулисами сквозило, и Инга почувствовала, что ее, потную, одетую только в черные стринги и туфли, прохватывает ледяным ветром.

Дина появилась откуда-то сбоку, с сигаретой в руке. На площадке начался другой номер.

– Твой халат Ира взяла, – сообщила Дина.

Инга выругалась.

– Дай закурить.

Товарка вытащила пачку и зажигалку. Поглядела на торчащие из трусиков Инги купюры.

– Простыну и двину ласты...

– Мне столько не дают, ублюдки гнойные, – сказала Дина глухим голосом. Под глазами у нее были синяки, лицо бледное. Инга подумала о синих венах на ее чересчур худых ногах. О прыщах, которые она расчесывает. Девка подседа на какую-то дрянь. И колет, наверное, под язык, чтобы Боров не заметил ничего. Но он скоро заметит. Дину выгонят на улицу. Будучи наркоманкой, она покатится по наклонной плоскости.

Инга ненавидела ее.

– Двигай жопой, – сказала она Дине и отошла в сторону. Сегодня танцевать было особенно тяжело. К ногам словно гири привязали. Дважды она едва не выпустила шест из руки – ладони оказались слишком потные, будто маслом их кто-то намазал.

Инга вспомнила, как подползала к краю площадки, к трясущим купюрами рукам мужиков. «Что за жизнь блядская!» Она вышла на свет, поглядела на колено. Ссадина. На самом видном месте.

Чурбан, охранник, нарисовался из бокового прохода. Инга выпрямилась, дымя сигаретой.

– Как дела?

Он остановился, рассматривая ее голую грудь.

– Баба тройню родила. Отвали! И перестань пялиться, не то в глаз получишь.

Чурбан заулыбался и привалился спиной к стенке, давая Инге пройти. Как всегда вонял чесноком. И где он его только берет постоянно? Инге не хотелось спрашивать, а только врезать ему в челюсть.

– Только одно слово, только одно слово – и мы будем жить долго и счастливо.

– Облезешь. – Инга прошла мимо него, напиваясь злостью.

У самой гримерки, откуда доносились женские голоса, ее поймал Боров. Лоснящийся прилизанный пиджак с выступающим брюшком. От него всегда пахло терпкими духами.

– Умничка, умничка, умничка! – пролепетал Боров. Наклонившись, он поцеловал Ингу в щеку и стал выдергивать купюры у нее из трусиков. – Ты просто кладезь!

– Да? И что с этого имею? – спросила Инга.

– Только без шантажа. Зарплату увеличим с нового года, – сказал Боров, пересчитывая купюры.

– Иди ты.

Инга вошла в гримерку, где толклось еще пять девчонок. Под потолком в свете ламп вились тучи сигаретного дыма. Все гудели о чем-то своем. Кто-то готовился к номеру, кто-то ждал своей очереди. Инга, не раздумывая, пошла в атаку.

– Ира, ты долго будешь мои вещи хватать? Сколько можно уже? Ты достала! – крикнула она крашенной девице, стоявшей справа.

Та повернулась, держа в руке плоскую бутылку с коньяком.

– Ты чего, когда я брала?

– А это что? – Инга схватилась за полу собственного халата, висящего на Ирининой фигуре.

– Грабли убери! – заверещала та.

– Еще раз возьмешь!.. Снимай!

Инга швырнула сигарету не глядя.

– Смотри, куда бросаешь! – донеслось сзади. Инга уже не слышала этого. Она вцепилась в Ирину и стала отвешивать ей удары, один за другим. Та завизжала. Попробовала схватить противницу за волосы. Бутылка с коньяком вылетела и шмякнулась на пол, непонятно как оставшись целой.

Инга выплеснула на товарку всю свою злость. Девушки бросились разнимать их, мешая друг другу в узком пространстве. Все орали, кто что. Наконец кому-то удалось отцепить пальцы Инги от волос жертвы. Инга плюнула в нее, попав на грудь. Ее оттащили в угол комнатухи, словно зарвавшегося боксера на ринге.

Поток ругани и визга не прекращался долго. Ирина угрожала ей и рвалась отомстить. Обоим удавалось удерживать едва-едва.

В комнату сунул голову Боров.

– Вы что, с ума посходили? Лена, тебе сейчас выходить! Приводи себя в порядок! Всем тихо сидеть!

Девушка с черными волосами принялась собираться, обернулась к зеркалу, чтобы проверить макияж, раскрыла помаду.

Как только Боров исчез, выяснение отношений продолжилось. Самая старшая, Оля, взялась восстановить тишину, и ей это удалось. Она протянула халат Инге.

– И не истери... Подумаешь, тряпка!

– Да не в халате дело...

– Ирка никогда у тебя ничего не брала... – сказала другая девушка. – Да у нас тут вообще все общее... Какая муха тебя укусила?

– Да правда что... С цепи сорвалась!

Ирина ревела в объятиях другой девушки. Та что-то шептала ей на ухо.

Инга уселась на край гримерного стола, закурила и почувствовала, что сама готова разрыдаться. Это уже совсем никуда не годиться, так нельзя. Ее стали засыпать вопросами, упрекали, доискивались до правды, но Инга не могла ничего рассказать. Как бы она не подходила к своей проблеме, вариантов ее решения было мало и все они казались отвратными. Арифметика выхода простейшая. К ее двум с половиной тысячам долларов надо прибавить двенадцать с половиной тысяч – и тогда соберется нужная сумма.

Девчонки правы. Вещи, которыми они пользовались, согласно неписанному правилу, принадлежали всем. Инга сама брала не свои халаты, блузки, чужие костюмы, обувь, косметику. Никто не видел в этом ничего криминального. Теперь она не могла вспомнить, что именно стало последней каплей – сальный взгляд Чурбана или пальцы Борова, считающие заработанные ею деньги.

Инга взяла со стола бутылку минеральной воды, сделала несколько глотков. Ее трясло. Она и не подумала одеться.

Ида, девушка с торчащими дыбом волосами, голова которой походила на цветок, села рядом на стул.

– Набрось что-нибудь. – Ида протянула ей майку. Инга надела ее и ничего не сказала. Отвращение к себе и к тому, что она сделала, было сильнее всего.

– В чем дело? – спросила Ида. – Ты на себя не похожа.

– Устала я.

– Это понятно.

Инга подумала, что так ничего и не решила. Никакого плана действий у нее не было. Чем дальше, чем сильнее разум поддавался гипнотическому оцепенению. Словно кто-то со стороны воздействовал на способность Инги принимать решения.

– Устала, – повторила она.

– Я тебя знаю, – ответила Ида. – Проблемы? Проблемы у тебя?

– Нет...

– Да, именно проблемы.

Подошла Оля.

– Успокоилась?

Инга кивнула. Руки дрожали. Оля, самая высокая из девушек, смотрела на нее сверху вниз.

– Паршивое дело, – заметила Ида, – девка совсем раскуксилась. Надо что-то делать.

– Что? – спросила Оля.

– Без понятия...

Инга поглядела на обеих.

– Ну что вы лезете под кожу?

– Мы тебе не кто-нибудь, не тети с улицы, – сказала Оля. – Что случилось?

– Вот не надо только такого участия... Вам же все равно на самом деле! – прошипела

Инга.

Оля пожала плечами.

– Как знаешь.

Инга отвернулась, не зная, куда спрятаться в этом пространстве, пронизанном светом ламп. Слезы потекли сами собой. Она вытирала их предплечьем. Макияж окончательно размался. Нос забили соплями.

Ида наблюдала за каждым ее движением. В примерке все вернулось к прежнему виду – беспрестанным перемещениям, разговорам, смеху. Постоянно открывалась и закрывалась дверь. Из коридора, утихая и возрастая, долетала музыка.

– Пойдем – после смены напьемся, – предложила Ида.

Инга поглядела на нее и улыбнулась.

– Напьемся?

– Ну, типа того. Вина возьмем, нарежемся. У меня хата свободная.

Инга высморкалась в салфетку. Мысль хорошая, но она думала о другом. Рассказать Идке или нет? Вряд ли у нее есть займы двенадцать с половиной тысяч баксов, но вдруг она что посоветует?

– Да и мы давно не встречались. Почешем языком посидим, – сказала Ида. Ее грубоватое, несколько мальчишечье лицо украсилось улыбкой.

– Можно и пойти, – вздохнула Инга. Она слезла со стола, сняла с вешалки свою сумку и принялась рыться в ней. Отыскался анальгин. Таблетку Инга запила минеральной водой.

– Что, Соколов этот? – спросила Ида. – С ним косяк?

Сердце у Инги потяжелело и стало давить на грудь. Все чаще она сравнивала этот эффект с действием какой-то посторонней силы. Может быть, сказать точнее: *посторонней*.

Так было сегодня утром, когда Инга встала с тяжелой головой и невозможностью пошевелиться. Паралич ее напугал, а потом две или три секунды было ощущение, что сердце стремится уйти со своего места, оборвав прикрепленные к нему сосуды.

– Инга!

Она мотнула головой, ничего не понимая.

– Ты меня пугаешь, – сообщила Ида, кладя ей руки на голые колени. Ладони у нее всегда были теплые, прикосновения успокаивающими. – Соколов, что ли, выеживается? Что он тебе сделал?

– Ничего не сделал. – Инга побледнела, очень надеясь, что Ида ничего не заметит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.